Опубликовано: Гуманитарная экология и экологическая этика: сайт Киевского эколого-культурного центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecoethics.ru/b34/16.html

В. Е. Борейко

“БЛАЖЕННЫ ИЗГНАННЫЕ ЗА ПРАВДУ”

Что бы ни сделали со школой большевики, все-таки кому-то придется восстанавливать школу. Поэтому нужно всеми силами задерживать процесс ее разрушения везде, где можно, удерживать фактическое влияние на школу и, скрепя сердцем, сжав зубы, даже и во вражеском стане служить своему заветному идеалу свободной школы в свободной стране.

(Известия Всероссийского учительского съезда,
№ 5, 1 мая 1918 г).

Вряд ли кому ныне известно имя Бориса Евгеньевича Райкова (1880-1966), популярного в двадцатых годах талантливого ленинградского педагога-методиста, ученого-биолога. Нет, он не виделся лидером, далеко оторвавшимся от большинства, а ценром, вокруг которого в 20-х годах объединялось прогрессивное учительство, служившее идее классический школы и нравственного воспитания.

В 1923 году он провел первую Всеросийскую конференцию естественников, основал Ленинградскую педагогическую станцию. Встав во главе журналов “Живая природа” и “Естествознание в школе”, поднял их на необычайно высокий уровень.

Райков – характерный тип русского интеллигента, не убоявшегося думать самостоятельно, за что и пострадал. Дважды – при царском режиме. Дважды – при советском.

Жизнь Райкова неотделима от преподавания школьной биологии. Его падение – одновременно и разгром целой науки, забвение всего лучшего, что было наработано русскими педагогами-естественниками.

Пусть эта история послужит уроком на будущее, хотя, что мы за страна такая, где только плохое служит нам хорошим уроком?

Против Крупской и ее питомцев

Желание разрушить старый мир до основанья проявлялось во всем. И в руководстве школами тоже. Прежние учебные планы выбросили на свалку истории, и вместо них кучка московских педагогов-прожектеров и чиновников Государственного Ученого Совета (ГУС'а) Наркомпроса, пригретых Н.К.Крупской, слепила новую школьную программу "исключительно на принципах марксизма". Они "отменили" математику, физику, историю, сделали из них крошево и соорудили пирамиду, основанием которой явилась "природа", серединой – "труд человека" и верхушкой – "общество". А остатки естествознания, в плане всеобщей "политехнизации" школы, заменили агрономизацией, "производственным" подходом. Зачем, мол, детям головы ботаникой да зоологией забивать, пусть сразу учатся урожаи выращивать.

Говорят, Луначарский пришел в восторг от элегантности конструкции "пирамиды" и отозвался о новых программах ГУС'а как "дать школе становой хребет марксизма".

И сразу началось их внедрение. Без какой-либо проверки практикой или предварительного обсуждения. Впрочем, чему удивляться. Торопливость и размашистость так характерны для всех лет советской власти. И в вопросах образования это нанесло немало вреда.

Естественно, многие педагоги восстали против очередного "творчества" Наркомпроса.

Райков вспоминал: "Дожив до 45 лет и издержав полжизни на борьбу за натуралистическое просвещение, я не мог оставаться равнодушным к тому, что делалось во второй половине 20-х годов на педагогическом фронте... Не только мои личные чувства, но и мой гражданский долг обязывали меня выступить против того, что творилось в Москве под видом обновления школы. И я выступил".

Борис Евгеньевич тогда считался очень авторитетным ученым, к его мнению прислушивались педагоги всей страны. Райков возглавлял Всесоюзное Общество распространения естественно-исторического образования (ОРЕО), проводил педагогические конференции, являлся автором многочисленных книг и учебников по

методике биологического образования, слыл прекрасным оратором, острым полемистом, сильным организатором. Он и возглавил сопротивление Наркомпросу.

“Раз человек идет по избранному пути,то надо идти до конца, побеждает тот, у кого более крепкие нервы. И это великая истина”, – говорил ученый.

Борис Евгеньевич, будучи необыкновенно острым на язык, сочинил немало памфлетов и едких стишков, высмеивавших нововведения питомцев Крупской. Например, “Прощальная делегатская”, поддевавшая учителей, трусливо вставших под знамена разрушителей классической школы. Или “Катехезис веры комплексныя, всякому шкрабу во все времена потребный во спасение души и оставлению на службе” – пародия на программы ГУС’а. В списках расходилось и стихотворение Райкова “Производственный подход” или “обязательное наставление юному натуралисту”.

Посмотрев весной на стадо,
Заостри поглубже взгляд,
Это – малая говяда,
Это – ряд больших говяд.
Вот молочные машины
День и ночь они в ходу.
Свиньи, хрюкая невинно,
Обещают нам еду.
Крот, мечтая о Госторге,
Погружает в землю нос,
Белки прыгают в восторге
Что на мех хороший спрос.
И, плодятся все обильней,
Щуки, карпы и лини
Ждут, когда с рыбокоптильней
Познакомятся они.
Так ненужность презирая,
Ты старайся угадать
Где и что природа края
Государству хочет дать.

— “У ГУС’а в основе политическая теория, а не биологическая”, – выступал Райков на одном из педагогических совещаний. Не ради школы, ради государства, школы в жертву государству. Обычная соблазнительная политика поработить школу. Нам

говорят – школа не может быть без политики... неправда. У школы идеалы более высокие и широкие”.

Позднее, все эти письма и стихи будут конфискованы и составят целый “том” № 2 в обвинительном “деле” Райкова.

Позицию Райкова поддержал ленинградский Наробраз, руководимый женой Зиновьева – Лилиной, а также известные педагоги К.П. Ягодовский, С.В. Герд, С.Д. Лавров.

В “Живой природе”, “Естествознании в школе” все чаще стали появляться заметки, критиковавшие наркомпросовские нововведения.

Борис Евгеньевич так объяснял свою позицию:

“...мы глубоко верим в образовательную и воспитательную силу знания, в частности, естественных наук. Мы никак не можем встать на такую узкую точку зрения, что изучение природы в школе имеет основной целью лишь использование ее богатств для нужд человека. Изучение природы в школе нужно прежде всего для формирования личности человека, и поэтому оно имеет огромную педагогическую ценность.

...Но уже не смешно, а прямо преступно для педагога, занявшись вплотную учетом носкости кур и удойности коров, упустить из виду, что естествознание – это прежде всего культура ума, а не одно лишь средство к благоденственному житию”.

Однако неверным было считать, что “райковцы”, как окрестили однодумцев Райкова чиновники от педагогики, выступили только против школьных программ. Они критиковали желание комсомола и Наркомпроса “руководить” движением юных натуралистов, боролись с монополизацией преподавания, словом, с целой системой трудовой школы, которую позже академик Дмитрий Сергеевич Лихачев назовет “глубочайшей ошибкой”.

Еще один камень преткновения. Ленинградцы настаивали на введении природоохраны в практику школы, предлагали создать во всех отделах Наробраза бюро по охране природы. Важным они считали и сам принцип – “зачем охранять природу” – не ради ее

“службы социалистическому хозяйству”, а прежде всего потому, что она прекрасна. На что их оппоненты отвечали:

“Так же не можем мы согласиться с тем положением, что в работе кружков “особо ценными” могут быть вопросы, связанные с охраной “природы вообще”. Нам нужна охрана природы не вообще, а в связи с задачами улучшения нашего социалистического хозяйства, в связи с использованием природных богатств на строительство социализма. Мы не хотим и не будем охранять в природе то, что вредит строительству нашего хозяйства. Мы не можем выпячивать на первый план и считать “особо ценными” те вопросы, которые не отвечают основным задачам нашего социалистического строительства, а, следовательно, и нашей юннатской работы.

Поэтому мы считаем Вашу формулировку об изучении и охране “природы вообще” неверной, идущей в разрез с основными положениями, выдвигаемыми ЦБЮН, а потому и крайне вредной для развития юннатской работы в данный момент”.

Беда советской школы была в том, что ею пришли руководить люди, далекие от понимания педагогики – Луначарский и его замы: Крупская и Покровский.

Здесь, на мой взгляд, весьма уместным привести характеристики, данные им Борисом Евгеньевичем. Прелюбопытные характеристики.

— “Луначарский, которого я знал лично, был официальным руководителем Наркомпроса и носил звание наркома просвещения. Это был типичный интеллигент прогрессивного толка, восприимчивый, неустойчивый, немного позер, с большим зарядом идейного фантазерства. Он был очень разносторонний человек, многим интересовался, но школы он не знал и от практической работы педагога был далек ...

Сделавшись наркомом, Луначарский стал уделять свое время не столько школе, сколько вопросам искусства и литературы, которые были ему очень близки. Он был типичным литератором и журналистом, автором целого ряда театральных пьес, которые частью написаны в эмиграции, а частью в России после революции...

Сделаны они неплохо, но не возвышаются над уровнем посредственности ...

Другим руководителем Наркомпроса была в это время жена Ленина Надежда Константиновна Крупская.

Сестра моей матери Софья Евгеньевна часто встречалась с ней в молодости, работала в одном и том же пропагандистском кружке и рассказывала о ней, как об очень скромной и деловой особе “без речей”.

... Лично я с ней не сталкивался, но много слышал о ней от людей, близко с ней работавших. Она была очень искренней, честной, отзывчивой женщиной, до самозабвения преданной общественной работе, отказавшейся от личной жизни, подвижницей своего рода. Детей у ней не было, настоящей семейной жизни она не знала, вечно кочевала со своим неукротимым мужем по различным эмигрантским захолустьям, питалась и одевалась кое-как: все для дела! все для дела!

Такие характеры знает наша церковная история, и, живи она триста лет назад, она, может быть, попала бы в святцы.

Но фактические события русской революции неожиданно выдвинули ее на самостоятельный и притом ответственный пост организатора и руководителя новой советской школы. А она на таких ролях никогда не выступала, всю жизнь привыкла работать “под руководством”, потому что с Лениным иначе нельзя. В биографиях Крупской пишут, что она, живя за границей, много занималась вопросами народного просвещения, изучала различные школьные системы и т.д. Думается, что это выдумано. Некогда ей было заниматься этим при ее неустанной работе по редакционной партийной корреспонденции, связанной с деятельностью мужа, да и цели для этого у нее не было. И ее, как и Луначарского, вопросы народного образования, школьного строительства захватили врасплох, неподготовленной.

...Надежда Константиновна была очень проста и доверчива и способна увлекаться людьми. Очень показательна в этом отношении история с тем же Шульгиным. Это был провинциал, который приехал в Москву из Рязани, где подвизался на партийной работе. Крупская заинтересовалась его бурными высказываниями на одной педагогической конференции, посадила его в свою машину и привезла его у Ленину как

“интересного человека”. Этим она широко открыла дорогу этому красноречивому сумасброду, который потом много наделал вреда в качестве одного из важнейших членов ГУС’а.

... Бедная Надежда Константиновна, которой все казалось “очень интересным”, и которая на путях к новой школе отыскивала “самое лучшее”, не успевала разобраться в этой суете.

Собственный опыт у нее был очень невелик: в молодости, лет 35 тому назад, она работала в течение нескольких лет в вечерней рабочей школе для взрослых. Затем находилась в эмиграции, она никогда не преподавала, а после октябрьской революции сразу оказалась на командном посту. В это время ей было уже около 60 лет, она была стара, да к тому же больна базедовой болезнью в серьезной форме, с явлениями пучеглазия.

Ее сотрудники, которые с успехом морочили ей голову, не очень-то почтительно относились к ней за глаза. Например, называли ее “непутяха” (сам слышал), а о совместных с ней заседаниях эти прохвосты выражались следующим образом: “Завтра пойдем мощи подымать”. Мне было от души жаль эту старую интеллигентку, попавшую в атмосферу лицемерного угодничества...

... а третий член Наркомпроса – М.Н. Покровский был бесполезен. Это был мрачный и упрямый старик, типичный догматик. Он понимал теорию исторического материализма так топорно и узко, что советским историкам пришлось потом много повозиться, чтобы очистить русскую науку от его схоластических концепций (...).

— Непосредственно же школьные дела вершили в Наркомпросе фигуры помельче – зам. наркома просвещения Моисей Соломонович Эпштейн и начальник Главсоцвоса Моисей Михайлович Пистрак и ...случайные люди, которые раньше никакого отношения к школе не имели. Они неукоснительно проводили на практике постановление ГУС’а, совершенно не считаясь с тем, что из этого получится. А получилось разложение школы и катастрофическое падение уровня простой грамотности на добрый десяток лет.

Всего этого можно было бы избежать, если бы наш голос, который так громко и смело прозвучал в 1923 году в Петрограде, был бы услышан наверху. На беду, этого не случилось, причем изрядная роль вины за это падает на некоторых педагогов-естественников, которые прекрасно понимали, в чем дело, но из-за подлого карьеризма поддакивали педагогическим фантазерам – и мало того, – чернили и порочили тех, кто в это печальное время пытался сказать слово правды”.

Дабы убедиться во вредности гусовских программ, незачем листать школьные тетради. Стоило только взглянуть на лозунги, висевшие в классах: “Ленин – вошдь революции”, “Долой бизграмотность”, “Да здравствует освобожденный Матмлад!”. Причем, что такое “Матмлад”, не знал даже директор школы – такой текст спустили из облнаробраза.

В другой школе учителя, в рамках новых программ, упражняли ребят вопросом: “Советская власть существует 8 лет, а сколько минут?”.

Сам Райков, в составе комиссии, однажды принимал экзамен по естествознанию. У ученика спросили:

— Назови какого-нибудь паразита.

— Волк.

— Подумай, что говоришь?

— Тигр.

— Вспомни, что такое паразитизм. Кто же паразит?

— Буржуй.

Сопротивление нововведениям Наркомпроса все возрастало. Даже неопытным учителям становилось ясно, что дальше так работать нельзя. В Ростове-на-Дону педагоги попросту освистали приехавших наркомпросовских ревизоров. А школы Ленинграда и некоторых других городов вообще игнорировали новые программы.

Педагог из Полтавы Борис Павлович Любимов писал Райкову: –

“От своей учебной работы отстал окончательно. Так надоело “втирание очков” в общесоюзном масштабе, что тошно стало быть учителем... С месяц тому назад у нас

появилось новое наробразовское начальство – бывшая папиросница из г. Лохвицы ... Твердо решил ... эмигрировать из России, или в Южную Африку, или в Америку, а служить на потеху чулочницам, папиросницам и бывшим, простите за выражение... – я не желаю и коверкать детей и их мозги тоже жалко. Теперешнее книгоиздательство любит умственный онанизм...В здешних книжных магазинах ничего хорошего не найдешь. Все полки заполнены чисто советской литературой ... Жалея детей, приходится полутайком проходить систематический курс ... С будущего учебного года на всю Полтавскую губернию будет оставлена одна русская школа. Вот как умно проходит у нас украинизация. Столыпин в гробу должно быть переворачивается от злости и зависти. Комплексы здесь с уклонами свирепствуют во всю (похуже сонной болезни и тропической лихорадки). Можете себе представить преподавателя-натуралиста, который соловьем заливается о ... производстве бочек, строительстве местного коммунхоза и т.д. и т.п. И мы поем и заливаемся. Детей, конечно, жаль, выпускать приходится отупелых до нельзя, пустоголовых, верхоглядов. Нас – учителей некоторые родители называют (по знакомству, конечно, и в лицо) – проститутками".

Перед незадачливыми авторами новых програм ГУС'а вставала дилемма: отказаться от программ, признав свою ошибку, или разгромить оппонентов, списав на них все неудачи в школьном деле и силой закончить перевод школ на новые рельсы.

Защищать свою педагогическую позицию ни на практике, ни в теории им не удавалось. И желая сохранить свое положение, они ступили на путь политических доносов.

Вначале недомолвками, намеками, затем брали круче.

— "Ленинградское методическое течение представляет мещански настроенную интеллигенцию и нэпманскую аристократию", "Это нездоровое направление, заводящее массовика в зарубежные тупики" – пугал руководитель Московской (Сокольнической) биостанции Б.В.Всесвятский, один из основных "изобретателей" "гусовских" программ.

Однако опорочить "райковцев" было не так-то просто. И тогда наркомпросовские деятели решились на шантаж. В начале марта 1928 года, после очередного

педагогического совещания, Пистрак и Эпштейн пригласили Ракова на “закрытую встречу”.

Разговор оказался коротким, не больше 20 минут. Борису Евгеньевичу предложили прекратить критику программ ГУС’а, оставить пост председателя ОРЕО, закрыть журналы “Живая природа” и Естествознание в школе” и опубликовать раскаяние.

— “А если Вы того не сделаете”, – добавил Пистрак, – “то мы объявим против Вас поход в печати со всеми последствиями”.

Чтобы спасти самое главное – возможность высказывать свое мнение, Борис Евгеньевич принял “соломоново решение”: перестал критиковать, ушел из руководства ОРЕО, но не раскаялся и не закрыл журналы.

Всячески старался Райков поддержать письмами своих однодумцев на периферии. В Харькове, учителю Родионову: “Надо стараться сохранить атмосферу свободного высказывания, а не развития взглядов начальства”. В Тверское отделение ОРЕО – “Получили мы здесь Ваше грустное сообщение. Порядком вструхнули тверские естественники. Так можно поступать лишь в состоянии паники. Мы никого ни в чем винить не можем, но думаем, самим членам Президиума хлопотать о закрытии Отделения – ошибка. Достойно было бы, если бы его закрыли со стороны. Мое мнение, что аппарат во всяком случае надо было сохранить, хотя бы в составе анабиоза”.

Борьба за школьное естествознание приняла скрытый, но еще более острый характер.

Решающая схватка

Уже позже, когда лидер учительской оппозиции был повержен, и кому не лень, обвиняли его во всех смертных грехах, то прежде всего бывшему активисту партии эсеров вменялось “сопротивление советской власти”. По сути они были правы: Борис Евгеньевич организовал мощное сопротивление многих учителей всему тому невежественному и глупому, что валило за советской властью, за партийными догмами в народную школу. Если бы враги Райкова, а позже и костоломы из ГПУ оказались более зоркими, они обнаружили бы и сопротивление политике партии в области

преподавания, и прямое сопротивление такому влиятельному лицу как жене Ленина, заместителю Наркомпроса Н.К. Крупской. Именно она должна нести, как непрофессионал (кухарки могут править государством), возглавивший Наркомпрос, всю ответственность за развал школы в 20-х годах. Человек пожилого возраста, больной, а главное – неспециалист не должен был занимать столь ответственный пост. Б.Е. Райков не боялся, выступив против Крупской.

— “Педагогическое дело – одно из тех, за которое берется всякий. Ужасающей педагогической безграмотностью можно объяснить, как безоглядно осуществляют в школе планы, которым от души порадовались бы давно сброшенные с исторической сцены политические мертвецы. Человеку, необученному шоферскому делу, нельзя дать в руки автомобиль, но сесть у руля российского автомобиля, именуемого всероссийской школой, о, для этого годится всякий”, – с горечью писал Б.Е. Райков коллегам.

Обсуждая с сыном профессора Райкова – Игорем Борисовичем нелегкую судьбу его отца, мы пришли к выводу, что это даже хорошо, что его по доносу взяли рано – в 1930 году. За подобную деятельность ученого все равно бы арестовали. Но в 1937 г. бы конечно дали расстрел.

Хотя в общем-то, как человек аполитичный, к самой советской власти Райков относился сдержанно, и не думал с ней бороться впрямую: “Я не пошел в партию большевиков, как называлась тогда коммунистическая партия, потому, что не чувствовал никакого расположения к политике и к тому же не одобрял некоторых мероприятий советской власти, например, разгона Учредительного собрания. Но мне и в голову не приходило заниматься саботажем в какой бы то ни было форме. Напротив, я считал, что могу идти в ногу с новой властью в области моей научно-педагогической работы и могу рассчитывать на ее поддержку”.

В конце января 1929 года в Москве собирается очередная Всероссийская конференция преподавателей-естественников. Официальная задача – обсудить строительство новой школы, проблемы преподавания естествознания.

Ленинградцы, втайне надеясь на торжество разума, пытались доказать свое право на истину руководству Наркомпроса. Однако вышло по-иному.

После доклада Луначарского, коснувшегося общих вопросов, на трибуну ринулась рать заранее подготовленных обличителей “ленинградского направления”. Особенно свирепствовал Всесвятский. Он страдал какой-то особенной патологической ненавистью к Райкову, что, впрочем, объяснялось довольно просто. Как и все люди низкой душонки, он не мог терпеть людей высокого полета.

Сторонникам Райкова на время удается переломить ход конференции. Они распространяют декларацию со всей платформой, Борис Евгеньевич выступает с блистательным докладом.

Но их противники бросают в ход “тяжелую артиллерию” – на этот раз сам Луначарский подвергает критике позицию ленинградцев. Правда, в отличие от тирад Всесвятского, выступление наркома не пахло 58 статьей. Тем не менее, спорить с ним уже никто не решался. Защищал Райкова открыто, не убоявшись последствий, всего один участник конференции. История запомнила его фамилию – Жигульский. Но один, как известно, в поле не воин.

Конференция практически единогласно заклеймила платформу ленинградцев как “контрреволюционную”.

А вот на обсуждение острейших вопросов школьного преподавания времени не хватило.

...Оргвыводы не заставили себя ждать. Все было давно расписано “по нотам”, ждали лишь взмаха дирижерской палочки. Цензура моментально прикрыла “Живую природу” и “Естествознание в школе”, в типографии рассыпали уже подготовленную у набору книгу Райкова “Пути и методы натуралистического просвещения” о 20 печатных листах. Ленинградский Наробраз заставляет Бориса Евгеньевича оставить Ленинградскую педстанцию, распускает ОРЕО. Фамилия Райкова становится притчей во всех педагогических языцах. Познал Борис Евгеньевич и “поход в печати со всеми

последствиями". "Учительская газета", "Ленинградская правда", "Красная газета", "За коммунистическое воспитание", "Естествознание в советской школе", "На фронте коммунистического просвещения", "Коммунистическая революция" и "Турист-активист" обрушили шквал карающего огня и били не один год.

Одни заголовки чего стоят: "На борьбу с вредительством в советской школе", "Вредительское звено в подготовке кадров", "Райковщина" и политехнизация школы", "Райковщина" как реакционное направление в школьном естествознании".

Кто-то заметил, что серость – это не отсутствие цвета, а поглощение его. И воспитуема так же, как талант. Диктатура пролетариата к началу 30-х годов вырастила нимало исключительно серых и очень агрессивных личностей.

В этом списке "боевиков" особое место занял небезызвестный Исай Израилевич Презент. Правая рука народного академика – "мичуринца" Лысенко, тоже будущий советский академик.

Многие годы эти два академика широко известны прежде всего как гробовщики отечественной генетики. Но мало кто знает, что Вавилов с учениками пал их отнюдь не первой жертвой. До этого будущие любимцы Сталина успешно "потренировались" на экологах, разгромив заповедник Аскания-Нова, тогдашний бастион науки экологии. Но и эколог Владимир Владимирович Станчинский оказался не первым...

Конечно, молодому и малоизвестному Презенту навряд ли было под силу одному завалить какую-нибудь крупную на научном небосклоне фигуру.

Поэтому он избрал тактику шакала, добивающего только тяжело раненых. Презент выбрал поверженного Райкова: активно подключается к травле, строчит разоблачительные статьи, доклады. Весной 1931 года в Ленинграде собирается городская конференция педагогов-естественников. Гвоздь номера – выступление председателя Общества биологов-марксистов И.И. Презента – "Классовая борьба на естественно-научном фронте". Презент куснул многих: и В.И. Вернадского, и В.Н. Любименко, и Ю.А. Филипченко. Но тридцать страниц посвятил своей главной жертве:

“— Нужно вам сказать, что под руководством проф. Райкова, методиста-естественника, в Ленинграде была создана целая организация, ставившая своей целью никоим образом не допустить в наши школы проводимую нашей партией политехнизацию школы (...). Борьба райковцев не была теоретической борьбой против методики, это была борьба против проведения диктатуры пролетариата в определенной области преподавания, на участке методики естествознания (...).

Против энтузиазма строительства, против пафоса реконструкции райковцы выставляли пафос “любви к природе” в ее чистом, незапятнанном хозяйственным вторжением виде, заявляя, что “задача школы – развить в ученике любовное отношение к природе во всех ее проявлениях, пробудить его, например, участвовать в лесонасаждении из любви “к свежему аромату лесной стихии”, а отнюдь не из каких-либо побуждений “общественно-полезной работы” (...). И в качестве “борцов”, защитников девственной природы от “безжалостного” вторжения хозяйственной практики, райковцы предлагают выдвинуть школьников, у которых “должен появиться повышенный интерес к изучению разнообразнейших явлений природы, окрепнет сознание необходимости сохранить осколки девственной природы, которой... предки наши обязаны своим существованием...”

(...) “Совершенно понятно, как пролетариат должен был на это реагировать. Он должен был каленым железом выжечь эту контр-революцию, которая была открыта в области методики естествознания”.

Подобный бред Презент протащил и в другой воинствующий педагогический журнальчик – “На фронте коммунистического просвещения”. Любопытно, что в книге “Классовая борьба на естественно-научном фронте” Презент цитировал письма учителей к Райкову, которые в качестве “вещдоков” были в “деле” Райкова. Что говорит о тогдашнем сотрудничестве подручного Лысенко с ОГПУ.

Но все это было после. А пока в феврале-марте 1930 Ленинградское ГПУ стало заниматься Райковым. Материалы следственного дела, просмотренные мной в “Большом доме” на Литейном в С-Петербурге позволяют нарисовать более-менее

точную картину ареста ученого. Вначале о причине ареста. Сам Райков позже так писал в своих воспоминаниях:

— “Я и мои сотрудники были арестованы, главным образом, по доносам Всесвятского в Москве и Бенкена в Ленинграде. Сюда надо присоединить студентов Института им. Герцена – Виталия Токарева и Петра Беликова, которые играли вторую роль, так как были инструктированы первыми. Кроме того, надо было согласие на арест со стороны Наркопроса, которое, очевидно, и было получено через замнаркома Моисея Эпштейна, так как никаких следов участия в этом деле А.В. Луначарского не обнаружилось (в 1930 г. А.В. Луначарский уже не был наркомом просвещения – В.Б.).

Из слов, которые я непосредственно слышал от следователя, ясно, что “дело” было заведено ГПУ в Ленинграде, а затем уже они обратились в Наркомпрос, испрашивая разрешения на мой арест и такое разрешение получили. Следовательно, инициатива исходила не от Наркомпроса, а от патриотов – добровольцев, причем имена этих добровольцев оберегались и не оглашались. Они уйдут от суда людского, как ушел уже Бенкен, погибший от пьянства, но не уйдут от суда потомства”.

Материалы следствия говорят немного об ином. По-видимому, доносчиками являлись студенты Райкова В. Токарев, П. Беликов, Д. Болотов и В. Молоденский, которых Борис Евгеневич за низкую успеваемость оставил на второй год.

Они же, начитавшись “антирайковских” статей Всесвятского и побывав у него в Москве на консультации, открыли с января 1930 г. в Герценовском пединституте настоящую травлю Райкова. 15 февраля и 24 марта ученый дважды обращался к директору института с просьбой назначить комиссию и оградить его от клеветы. Дело же в Ленинградском ГПУ на Райкова начато 27 марта. То есть студенты, чувствуя, что им самим не одолеть “буржуазного профессора”, подстраховались помощью чекистов. То, что донос пошел из Герценовского пединститута, подтверждает не только подхваченная следователями версия “вредительства нововведениям Наркомпроса”, но и арест чекистами в марте-апреле работников с институтской кафедры Райкова. Лишь позже, арестовав самого Бориса Евгеньевича, и найдя у него во время обыска “компроментирующие” письма с мест, были арестованы педагоги и из других городов.

Если бы донос написал Всесвятский или кто иной, сразу схватили бы и других видных в ОРЕО фигур из Москвы и Ленинграда, а не малозаметных ассистентов Райкова по пединституту. Хотя по иной версии – Райков попал в “круг” разрабатываемого в это же время “дела Академии наук”.

Аресты по группе Райкова продолжались с марта по август 1930 года. Кроме Райкова по делу проходили: – его жена, Райкова Антонина Николаевна, преподаватель Владимирского пединститута Надежда Ивановна Виноградова-Ширяева, преподаватель Тверского пединститута Леонид Николаевич Никонов, учитель из Полтавы Борис Павлович Любимов и ленинградские педагоги Николай Семенович Берсенев, Мария Александровна Сосипатрова, Евгения Рувимовна Выгодская, Николай Дмитреевич Владимирский, Ольга Афанасьева Баратова-Леонтьевна, Георгий Владимирович Артоболевский. Всего 11 человек. Кроме этого, материалы на арестованных в начале по делу “Райкова” деятелей ленинградских краеведческих обществ – Даниила Осиповича Святского, Владимира Алексеевича Казицина, Георгия Эдуардовича Петри, Николая Николаевича Павлова-Сильванского, Александра Матвеевича Хардикайнена, Юлию Федоровну Тихомирову были выделены в самостоятельное дело “краеведов”. Они проходили также по “делу Академии наук”. Возможно, позже были арестованы и другие педагоги, связанные с Б.Е.Райковым.

Допрашивали Райкова и его соратников следователи Шондыш и Недзельский. Они то и сфабриковали ловко “всесоюзную контрреволюционную организацию” под руководством Райкова, имевшую ячейки в 32 городах СССР.

Сам Борис Евгеньевич был обвинен в том, что “враждебно относясь к Советской власти, был главным инициатором и идеологом контрреволюционной организации и руководил организацией в направлении борьбы с социалистическим строительством, путем задержки реконструкции школы, саботирования школьной политики Советской власти и срыва программы ГУСа, занимая ряд должностей в научно-методических учреждениях г. Ленинграда – использовал таковые в контрреволюционных целях своей группы, использовал общество распространения естественно-исторического образования и его филиалы в провинции для распространения своей антисоветской

деятельности и саботирования школьной политики Наркомпроса по многим городам СССР. Сконцентрировал вокруг себя антисоветски настроенных педагогов, которые проводили контрреволюционную работу в школах, по заданиям и указаниям организации руководил контрреволюционной деятельностью организации в направлении подготовки организоваться во всесоюзном масштабе – т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст.58-11 и 58-14 УК”.

... Да, такие кровопускания даром не проходят. Удар был нанесен не просто по Райкову и его окружению. В застенки ГПУ попали десятки лучших педагогов. Сотням, тысячам страхом закрыли рот. Это был действительно разгром, но не просто ленинградского течения, а целой науки.

Борис Евгеньевич угодил в руки к следователю Шондышу. Это о таких говорят – “молодой да ранний”. С первых минут общения с этим подонком профессор понял, что ГПУ отнюдь не “оплот высшей морали и государственной справедливости”, как это разрисовывалось в газетах.

Ученый держался твердо: не оговорил ни себя, ни соратников, не “сознался” в “монархических разговорах на квартирах академиков Ольденбурга и Ферсмана”, ни в связи с “заграничным центром”.

А на все претензии и жалобы следовал невозмутимый ответ Шондыша: “ГПУ сажает не для того, чтобы оправдывать, а для того, чтобы обвинять”.

— “Шондыш держал меня с мая 1930 года по январь 1931 года в строгой одиночке, лишив прогулок и передач. В течении нескольких месяцев я бывал даже без смены белья. Под конец я совсем отощал и у меня открылась куриная слепота. Я жаловался тюремному врачу, но он ничего не сделал. На мои упреки Шондыш говорил: “Вы плохо себя ведете, не признаетесь, а признаетесь – все получите”. При допросе применялась система застращивания. Шондыш грозил арестовать мою жену (она и так проходила по делу – В.Б.), хотя она никакого отношения к моим общественным и служебным делам не имела. Во время допросов следователь сам писал протоколы, занося туда то, чего я вовсе не говорил. Был случай, что он целую ночь продержал меня в холодном

коридоре, требуя подписания такого протокола. Но к счастью, я выдержал характер и не подписал ни одной из этих фальшивок. Этим объясняется, что будучи допрошен 23 раза, иногда по 2 раза в день, я подписал только три протокола, более или менее правдивых: от 7 июня – со своей автобиографией, от 11 июня – с дополнениями к автобиографии, и еще один (не помню числа) – о своей педагогической работе... К сожалению, некоторые мои ассистенты оказались слабее меня и подписали, что от них требовалось. Например, один из них, Берсенев, получивший три года высылки на Дальний Восток, при встрече со мной впоследствии на тюремном дворе, со слезами просил у меня прощения за то, что оклеветал меня на допросах. Это был слабый, болезненный человек, боявшийся одиночки. Когда я его спросил, что же он собственно подписал, оказалось, что он даже точно не помнит. Из рассказов других видно, что Шондыш ловко оперировал с понятием “общества”:

— “У вас было общество естественников?
— Было”, – отвечал допрашиваемый, подразумевая ОРЕО.
— “Вы критиковали там программы Наркомпроса?
— Критиковали.
— Вы признаете, что Наркомпрос орган Советской власти?
— Признаю.

— Вот видите, значит вы занимались критикой советской власти.

Подпишите: – “Я принимал участие в антисоветской группе, возглавляемой Райковым, с целью задержать политехнизацию школы и т.д.”. И подписывали не понимая, что делают” (Из письма Б.Е. Райкова Молотову).

Так свои подписи поставили все, кроме Райкова и его жены. Эти двое не сломались.

Остались без ответа и письма к Луначарскому, и ходатайства к “совести партии” Сольцу. Дочь Райкова добилась приема у Крыленко, но тот чуть было не выгнал ее из кабинета.

Следствие тянулось 9 месяцев. В итоге 18 февраля 1931 г. профессор Райков, за критику учебных программ Наркомпроса, получил столько же, сколько в те годы давали

за преднамеренное убийство – 10 лет (хотя вначале предполагался срок в 5 лет – начальство увеличило). Его однодумцы – от трех до пяти. А следователь Шондыш в награду за успешное “дело” занял профессорскую квартиру Райковых.

Срок Борис Евгеньевич отбывал в лагере ОГПУ в Коми и Медвежьей Горе. За хорошую работу его досрочно освобождают в марте 1934 года. Судьба улыбнулась – вместо 10 лет – всего 3 года и 9 месяцев. На родину не пускали, поселился в глухом городишке со звериным названием Медвежьегорск. Там и узнал, что злосчастные программы ГУС’а, из-за которых столько натерпелся, лопнули как мыльный пузырь. Их отменили еще 5 сентября 1931 г., постановлением ЦК ВКП(б). А М.С. Эпштейн, М.М. Пистрак, директор института методов школьной работы В.Н.Шульгин, зам. начальника Главнауки А.П.Пинкевич поплатились постами. А некоторые из них были также репрессированы.

Борис Евгеньевич, еще по работе в ОРЕО, хорошо был знаком с ботаником В.Л. Комаровым. В конце 30-х годов Владимир Леонтьевич стал солидной фигурой – возглавил союзную Академию Наук, был избран депутатом Верховного Совета СССР. Он предложил Райкову написать ходатайство на имя Молотова и лично 27 декабря 1938 г. переслал прошение, высказав свою убежденность в невиновности профессора.

Молотов дал указание разобраться. 13 августа 1940 года судимость, со всеми ограничениями, была снята с опального профессора. Но реабилитирован он был лишь 30 января 1990 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов”. Как и все его “однодельцы”.

Последняя попытка

В 1944 году Борис Евгеньевич вернулся в Ленинград. Неожиданно его пригласили в Москву, в Министерство просвещения РСФСР и предложили принять активное участие в восстановлении средней школы. Борис Евгеньевич, не задумываясь, согласился.

В момент устроились все самые сложные вопросы. Райкова восстановили в Ленинградском пединституте им. Герцена, он вновь возглавил журнал “Естествознание в школе”, начал работать в Ленинградском филиале Академии педнаук, стал доктором педнаук, действительным членом Академии педнаук.

Казалось, все самое страшное позади. Навсегда. Теперь никто и ничто не оторвет от любимого дела.

Так случается иногда в непогоду: разойдутся тучи, выглянет на часок-другой солнце, а потом вновь зарядит дождь. Система, великолепно настроенная на вышибание неординарных личностей, продолжала действовать отлаженно. Так случилось при царе, когда уличенного в революционном движении студента Райкова вышвырнули из Петербургского университета, дважды арестовали. Ничего не изменилось и спустя 30, 40 лет, при совсем другой власти. Вечный спор Моцарта и Сальери по-прежнему решался в пользу последнего.

Друзья предупреждали Райкова: старые враги не простят ему нового возвышения. Они только затаились и будут ждать удобного случая. Хотя доносы уже шли.

В Центральный Комитет ВКП(б)

“Основной причиной плохой работы указанного отделения (отделения методики преподавания школьного естествознания Академии педнаук – В.Б.) является крайне недоброкачественный состав его руководящих работников. Так в состав отделения входит бывший профессор Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена – Б.В. Райков, получивший печальную известность в нашей стране, как активный проводник правого оппортунизма в школьное естествознание (...). Мне думается, что отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) примет должные меры для того, чтобы укрепить состав отделения методики естествознания АПН учеными-коммунистами...” (из личного архивного фонда Б.В. Всесвятского). Я уверен, что донос от старшего преподавателя Казанского пединститута В. Федоровой не являлся единственным и был подготовлен Всесвятским.

Разразилась августовская 1948 года сесия ВАСХНИЛ. Избиение, которое началось в биологической науке, представляло прекрасный предлог для того, чтобы нанести Райкову такой удар, после которого он бы уже не поднялся. Борис Евгеньевич никогда не занимался генетикой, но чья-то подлая рука поспешила вписать его в “черный список”. – “Презент при исполнении своих палаческих обязанностей ездил по учреждениям, где работали люди, подлежащие репрессиям, приехал он и в Ленинград и появился в Институте им. Герцена. Никогда не забуду заседания ученого совета Института, собранного в расширенном составе, и посвященного так называемой чистке.

В коридоре я встретился с Презентом. Я не видел его 20 лет. Тем не менее, мы узнали друг друга. Он, улыбаясь, обратился ко мне с вопросом: “Кажется, Вы возглавляете здесь методику естествознания? Я ответил, что кафедру методики возглавляет тов. Боровицкий, а я читаю здесь лекции как профессор.

Презент ничего не сказал и пошел дальше. Затем я увидел его в зале заседаний Совета. Он сидел в президиуме, а рядом с ним – директор Института Ф.Ф. Головачев и представитель министерства высшего образования Светлов.

Чистка состояла в том, что Головачев вызывал по фамилии профессоров, которые выходили на середину и должны были отвечать на вопросы. Вопросы задавал Презент, они были стереотипны: Как Вы относитесь к учению Мичурина? Как Вы относитесь к взглядам Лысенко? Как Вы относитесь к формальной генетике?

...Вызвали моего соседа профессора Ю.И. Полянского, на которого особенно точил зубы Презент. Он ответил, что учение Мичурина он признает, взглядов Лысенко не разделяет, считает себя генетиком. Затем Презент задал ему дополнительный вопрос:

— “Скажите, почему Вы уволили меня из университета?” – Ответ был для Презента совершенно неожиданный:
— “Потому, что Вы ничего не знаете в науке”, – вспоминал Б.Е. Райков.

Те же стандартные вопросы задал Презент и Райкову.

А дальше все пошло по хорошо знакомому пути: увольнение со всех постов, запрет на его книги “Методика преподавания естествознания” и “Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина”, разнузданная кампания в печати. В той же “Ленинградской правде”, “Биологии в школе”, “Учительской газете”. Подключились “Вечерний Ленинград”, “Литературная газета”. И обвинения демагогические, давно обкатанные, типа “игнорировал все руководящие указания Ленина”. И критики те же – Всесвятский и К°.

На этот раз Райкова не сослали. И даже не арестовали. Обошлось. Но как ведущий педагог он был повержен и от педагогики отошел. А его педагогические труды даже сейчас мало известны потомкам.

В Нагорной проповеди Спаситель сказал: “Блаженны изгнаные за правду, ибо их есть Царство Небесное”.

Хорошо сказано, красиво. Но от этого не легче. Лучше бы, если борцы за правду побеждали.

В первый день нового учебного 1948 года учителя всей страны внимательно конспектировали помещенную в “Известиях” статью министра просвещения РСФСР А.Вознесенского “К новым успехам в обучении и воспитании школьников”.

В ней по-большевистски просто и ясно расставлялись все точки над “и”.

— “Особенно серьезным недостатком страдало преподавание биологии... Подлинное материалистическое, прогрессивное мичуринское учение, направленное на творческое преобразование природы, состоящее в теснейшей связи с практикой социалистического сельского хозяйства, не пронизывало школьного преподавания биологии.

... Доклад академика Т.Д. Лысенко на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина о положении в биологической науке, одобренный Центральным Комитетом партии, должен стать для преподавателей

биологии тем программным документом, на основании которого они смогут осуществить действительно научное, высокоидейное преподавание биологии”.

И Лысенко становится главным “педагогом-естественником” страны, “руководителем” юннатского движения, его подручный Презент входит в редколлегию “Биологии в школе”.

Для школьного естествознания настали самые черные дни.

А вот Борис Васильевич Всесвятский тем временем тоже благоденствовал. Сделался профессором, возглавил кафедру в Московском городском пединституте, учил других преподавать биологию, сея “разумное, доброе, вечное”, заимел на этом немало почетных должностей и памятных медалей.

... Именно в эти времена количество гуманитарных предметов в школах СССР, в сравнении с 1940 г. уменьшилось на одну треть.

Именно из-за таких как Всесвятский и ему подобных, по словам доктора биологических наук, бывшего председателя Госкомприроды СССР Н.Н. Воронцова, в наших школах с 1935 по 1967 преподавали “не просто плохую биологию, а антибиологию”. Кстати, уже в 1922 г. на народное образование в стране выделялось 8 процентов бюджета, в то время как в царской России – 16.

Именно тогда и стали на первый план выходить поборники технократического мышления. Выросло целое поколение людей, для которых превыше всего – план, вал, пятилетка. Они неспособны были мыслить не то что экологическими или общечеловеческими ценностями, вообще неспособны мыслить самостоятельно. Поэтому с такой легкостью уничтожались леса, земля, реки, рушилась культура и нравственность.

Кстати, в преподавании охраны природы, как и биологии, наша школа плетется в хвосте у западной и по сей день.

Как нам сейчас нужны высокообразованные специалисты, личности, умеющие мыслить нетривиально. Но их нет, ибо не воспитать их в серых забитых школах, трясущихся при каждом звонке из районо.

Для появления Пушкина требуется лицей. Свободный, вольнодумный, независимый от очередных “экспериментов” наркомпросов.

Монополизация, в том числе и в образовании, ни к чему хорошему не привела. Слава Богу, что спустя 70 лет мы начинаем осознавать это. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.